

Е. Э. ГАВРИЛЯЧЕНКО
(Москва)

«ПО ГОРАМ КАРПАТСКИМ МЕТЕЛИЦА ВЬЕТСЯ...»

Аннотация. В статье делается попытка расшифровки реалий одной из последних казачьих исторических песен «По горам Карпатским...», оставшейся «народным воспоминанием» о трагедии Первой мировой войны.

Ключевые слова: казачий фольклор, исторические песни, народная оценка исторических событий, казацки войска, фольклоризация.

Свод исторических казачьих песен представляет собой своеобразную форму устной материализации «народной памяти», параллельной официально документируемым событиям прошлого. Сохраненные в виде текстов и бытующие в до сих пор еще живой традиции, расположенные в хронологическом порядке, казачьи исторические песни охватывают всю без изъятия русскую историю от былинных протоказачьих времен¹ до Первой мировой войны и послереволюционного упразднения сословно-государственного устройства².

¹ Древние образы «казачьей жизни» хранятся в былинах (старинах), например о «старом, матером казаке Илье Муромце». Еще до закрепления в русском языке слова «казак» степь была тем местом, куда уходили «поляковать» — выказывать молодечество — удалыцы от разных народов. Если сравнить всё, что мы знаем из былин о жизни на «заставах богатырских», с «Уставом казачьей сторожевой службы», созданным по повелению Ивана Грозного боярином Воротынским, то увидим, что и у народного эпоса, и у первого пограничного регламента одна многовековая основа.

² Показательным примером понимания значимости историзма казачьих песен служит практика их осознанного собирания в конце XVIII в. как свидетельств давности «государевых служб» взамен утраченных жалованных грамот и других архивных документов. Инициаторами «фольклорной» историографии выступили тогда донские старшины — неременный войсковой судья генерал-майор Д. М. Мартынов, ге-

Историзм казачьих песен подобен руинам, требующим сохранения, изучения, реконструкции, возвращения значимыми смыслами в современное социокультурное пространство как формы родовой памяти.

Зачастую народную песню относят к жанру исторической по предельно кратким упоминаниям конкретных дат, событий, имен, включаемых в устойчивые мифопоэтические конструкции. Основные сюжеты: «войско выступает в поход», «битва», «гибель», «погребение в кургане», «оплакивание (женские души — птахи)», оставаясь столетиями практически неизменными, лишь отдельными деталями прикреплялись к событийной реальности.

Приведем разъясняющий пример. На Северном Дону и сейчас поется («играется») казаками историческая песня «Как под городом было под Браиловом...». Из исторических источников известно, что русские войска начиная с Прутского похода 1711 г. практически в каждую войну с Турцией осаждали и штурмовали препятствовавшую переправе через Дунай стратегическую крепость Браилов (современный румынский город Бриэла). В зачине песни — канонический сюжет собирания армеюшки (армии царя Белого) во единый круг с выбором, кому повелителем (атаманом) быть (в конкретном случае повелителем предстает «Православный царь»). В отдельных полных вариантах присутствует сюжет о том, что «царь брата». В сборнике А. И. Мякутина «Песни Оренбургских казаков» [Мякутин 1904] приводится наиболее ранний вариант, записанный войсковым старшиной Н. К. Бухариным в 1888 г. в Чернореченском поселке Павловской станицы от 70-летнего слепца — казака И. И. Мелехова, со строками:

Он журил, бранил своего брата,
Своего брата, брателку,
всё Князя Великого...

Это упоминание позволяет локализовать сюжет, связав его со штурмом Браилова 5—7 июня 1828 г. во время Русско-турецкой войны 1828—1829 г.

нерал-майор А. К. Денисов, полковники С. М. Серебряков и П. И. Денисов [Сухорук 2001, 7].

Командовал осадой брат Николая I великий князь Михаил Павлович, отмеченный за успешное взятие крепости орденом Георгия 2-й степени³, золотой шпагой «За храбрость» с бриллиантами и особой наградой — правом установить в своем имении шесть крепостных трофейных пушек. За что же царь «бранит брата»? Штурм сопровождался большими потерями, одной из причин которых послужил запоздавший взрыв одной из подведенных к стенам минных галерей, под который попала штурмовая колонна⁴, и слишком «мягкие», пологие контрэскарпы. Солдатская, казачья память по-своему интерпретировала победную генеральскую репликацию, навечно связав кровавость штурма с неудачей саперов и командовавшего всей инженерной службой Русской Армии генерал-фельдцейхмейстера великого князя Михаила. Песня про осаду Браилова встраивается в ряд «вечной», особенно для казачества, темы «правого царя и неправых слуг», выделяясь при этом конкретным историзмом.

Исследователи народной песенной культуры справедливо фиксируют ее творческое угасание с середины XIX столетия, связанное с замещением аутентичной традиции авторской, обусловленной разнообразными, часто искусственно и искусно инициируемыми формами фольклоризации⁵ общества в первый период национального подъема (с конца 1850-х и до 1917 г.) [Гавриляченко 2007]. Применительно к означенной теме можно попытаться проанализировать реалии одной из последних

казачьих исторических песен — «По горам Карпатским метелица вьется...», оставшейся наряду с другой («Как громили немца, короля Вильгельмца»), пожалуй, единственными «народными воспоминаниями» о Великой, стертой в общественном сознании войне. Учитывая дальнейшее бытование песни, попробуем проследить наложение скрытых в ней смыслов как на современную ее возникновению историю, так и на последующую, участники которой, «играя», проживали новые аналогичные коллизии.

По горам Карпатским

По горам Карпатским метелица вьется,
Сильные морозы зимою трещат⁶.

Проклятый германец на нас наступает,
На нашу державу, на крест золотой.

А мой милый черный, черный,
чернобровый
С германцами бьется за веру свою.

Хотели германцы, чтоб наши казаки
К ихнему престолу служить бы пошли.

А наши казаки, славные рубаки,
К ихнему престолу служить не пошли.

Заиграли трубы, трубы-барабаны.
Отворились двери и вышел басурман.

Закипела битва, битва беспощадна,
Полилась рекою горячая кровь.

Казак Бога просит, слезно умоляет,
Чтоб наши головушки в курган
не сложить.

На этом кургане веселые птички
Весело играют за веру свою⁷.

«По горам Карпатским метелица вьется...» — первые строки локально связывают песню с событиями конца

⁶ Каждое двуступище повторяется дважды.

⁷ Из репертуара мужского фольклорного ансамбля казачьей песни «Казачий Круг» (Москва). Песня записана участниками ансамбля В. В. Порвиным и Н. Н. Шантаренковым в 1991 г. в станице Букановская Подтелковского р-на Волгоградской обл. Исполнители: Пономарёв Михаил Ильич (1914 г. р.), Пономарёв Михаил Иванович (1911 г. р.), Пономарёв Полиевкт Ефимович (1914 г. р.), Пономарёва Мария Ивановна (1913 г. р.).

³ Который он отказался надеть, посчитав, что успех был достигнут слишком дорогой ценой.

⁴ В ней, к слову, оказался будущий герой — символ казачества Я. П. Бакланов, добровольно примкнувший к наступающим, за что был наказан своим отцом — командиром казачьего полка в поучение за то, что оказал удалство вне своей части.

⁵ Под фольклоризацией в данном контексте подразумевается процесс и результат воздействия на общество элементов традиционной культуры, осуществляемое государственными структурами, профессиональными сообществами, социальными, этнокультурными группами и прочими для достижения конкретных идеократически осознаваемых и постулируемых целей.

1914 — начала 1915 г., с Галицийскими битвами⁸. Уже начальный период Мировой войны, как на Западном, так и на Восточном фронтах, сразу же указал на анахроничность кавалерии в условиях тотальной позиционно-окопной войны, обреченность конницы перед огневой мощью, сделавшей прямые атаки и привитую тактику «кавалерийского шока»⁹ бессмысленными перед возросшей плотностью пулеметно-артиллерийского огня. Даже такие традиционные для кавалерии и прежде всего казаков сферы военной деятельности, как создание арьергардных завес-прикрытий, скрывавших стратегические передвижения войск, разведка в тылу противника, стремительно утрачивали значение с развитием авиационной разведки и фотофиксации.

Историк Русской Армии и Первой мировой войны А. А. Керсновский фиксировал, что «русской конницей было произведено до 400 атак в конном строю» [Керсновский 1939]. Но уже первое крупное и оставшееся самым масштабным боестолкновение русской 10-й кавалерийской дивизии под командованием генерала графа Ф. А. Келлера с 4-й австрийской кавалерийской дивизией генерала Э. Р. фон Зарембы 8 августа 1914 г. стало, по устоявшемуся мнению военных исследователей, последним кавалерийским сражением

⁸ К ним относятся: русское наступление октября 1914 г., зимние бои за Карпатские перевалы, апрельский прорыв австро-германской армией русских позиций у Горлицы и последовавшее за этим отступление русских войск. На фоне неудач Северо-Западного фронта, прежде всего разгрома в Восточной Пруссии 2-й армии генерала А. В. Самсонова (бывшего с 1907 по 1909 г. наказным атаманом Войска Донского), события 1914 г. на Юго-Западном фронте воспринимались как череда побед: взятие Львова, Перемышля, занятие Галиции и выход на перевалы и западные склоны Карпатских гор и даже неподготовленный спуск на Венгерскую равнину 48-й пехотной дивизии генерала Л. Г. Корнилова, при всей неудачности операции принесшей славу и известность ее командиру.

⁹ Тактика «кавалерийского шока» — устрашающая, проламывающая атака сомкнутыми строями с последующей лихой рубкой смятенного противника.

мировой истории. Кавалерия спешивалась и достаточно быстро превращалась в лучшем случае в «ездящую пехоту». Но при этом кавалерист и прежде всего казак наделялся идеологизированным ореолом бесстрашия, личного героизма¹⁰. В Русской Армии, уступавшей противнику в технической оснащенности тяжелой артиллерией, пулеметами, авиацией, боевыми отравляющими веществами, необходимо было подчеркивать стойкость и личное превосходство офицеров и «нижних чинов». Исторически со времени «славного 1812 года» и до Великой Отечественной войны образные идеологические формулы вычленили «казака», «казачество» как некий знак удали, необходимый для поддержания «воинского духа» вне зависимости от объективной оценки значимости казачьих формирований в структуре Русской Армии¹¹.

Возвращаясь к песне «По горам Карпатским», попытаемся кратко восстановить реальные события и возможную среду возникновения и бытования песни. С этой целью искусственно выделим историю 2-й Сводной казачьей дивизии, а также отдельные имена, значимые для воспоминания об участии казачества в Великой (как ее определяли современники) войне¹². Одно из первых

¹⁰ Первый Георгиевский кавалер — приказной 6-й сотни 3-го Донского казачьего полка Козьма Крючков, лично одолевший 11 германских кавалеристов, и ротмистр Лейб-гвардии Конного полка барон П. Н. Врангель, который, командуя эскадроном, понесшим большие потери, захватил в прямой конной атаке под Каушеном 2 артиллерийских орудия противника, стали символами героизма.

¹¹ К 1917 г. примерно 70% русской кавалерии составляли казачьи части. В состав 15-й и 16-й первоочередных кавалерийских дивизий входили по одному уланскому, драгунскому, гусарскому и казачьему полку.

¹² В состав дивизии входили «именные» полки: 16-й Донской генерала Грекова-8-го полк; 17-й Донской генерала Я. П. Бакланова полк, составлявшие 1-ю бригаду; 1-й линейный генерала Вельяминова полк и 1-й Волгский Его Императорского Высочества Наследника цесаревича полк (2-я бригада). Из числа дивизионных командиров запомним генералов А. П. Павлова и П. Н. Краснова, будущих деятельных участников «донской Вандеи».

дел дивизии — бой 4 (17) августа под Городком, когда два венгерских эскадрона были атакованы двумя сотнями линейцев. Генерал П. Н. Краснов засвидетельствовал его результат, из частного в дальнейшем ставший общим: «Австро-венгерская конница больше не атаковала казаков. 2-я казачья Сводная дивизия не знала поражений, и с тем же искусством, верою и успехом кидалась в атаку на коне разъездами, сотнями, дивизионами и целыми бригадами. По итогам дела 5-я австро-венгерская дивизия была настолько деморализована, что ее сняли с фронта для тылового переформирования». Еще один итог подчеркнул П. Н. Краснов: «От первого столкновения зависел дух конницы на всю войну»¹³ [Паскаль].

В дальнейшем дивизия участвовала в осаде Перемышля, а в конце ноября — в наступлении на Карпаты, заняла Ужокский перевал, открывая путь на Венгерскую равнину, сражалась за Дуклинский перевал. Позднее 17-й Донской полк прикрывал отход 48-й пехотной дивизии генерала Л. Г. Корнилова, успешного перевалить Карпаты и опророчено спустившегося в долину.

Песенные строки «По горам Карпатским метелица вьется, сильные морозы зимою трещат...» свидетельствуют о суровых зимних условиях битвы за Карпаты. В этой связи можно вспомнить Русско-турецкую войну 1877—1878 гг., оборону Шипкинского перевала, переход через Балканы, сражение у Шейново, происходившие в аналогичных тяжелых условиях. У «метельной» истории применительно к казачеству есть не менее трагическое продолжение. Именно один из командиров 2-й казачьей дивизии генерал А. А. Павлов в 1920 г. потерпел поражение от «крас-

¹³ Атаман Г. М. Семёнов, вспоминая участие в мировой войне, отмечал: «Наш казак оказался лучшим индивидуальным бойцом, чем немецкий регулярный кавалерист. За полтора месяца практики моей в действии разъездом, при регулярной смене казаков, я захватил в плен свыше 50 германских всадников и не потерял ни одного со своей стороны. В конце концов это настолько терроризировало германских кавалеристов, что они продвигались для разведки в наше расположение, имея позади себя небольшие пешие части, часто на телегах» [Семёнов 2007, 7].

ных» в Егорлыкском сражении. Важной причиной тяжелого разгрома «белых» тогда стал приказ командующего Донской армии генерала В. И. Сидорина 4-му корпусу (около 10 000 сабель) генерала А. А. Павлова. В соответствии с распоряжением тот двинулся по левому незаселенному берегу Маньча в направлении станицы Торговой, углубился в открытую степь при 25-градусном морозе и сильнейшем ветре и потерял почти половину состава корпуса замерзшими (замерзли насмерть прямо в седлах), обмороженными, больными и отставшими. Итогом стало полное поражение «белых» от 1-й Конной армии (примерно 15 000 сабель) при атаке на станицу Торговая в ночь с 5 на 6 февраля 1920 г.

Содержание песни «По горам Карпатским метелица вьется...» вызывает в памяти Шипку, Сарыкамьш, Карпаты, присоединяет к ним Егорлык и включает этим «метелицу», сохраненную народной памятью, в общий типологический ряд.

Проклятый германец на нас наступает,
На нашу державу, на крест золотой.

А мой милый черный, черный,
чернобровый
С германцами бьется за веру свою¹⁴.

Устойчивые формулировки фольклорного текста о наступлении на «крест золотой» могли бы восприниматься как анахронизм, напоминающий о войнах с Турцией, с «басурманами», неприменимый (при всей конфессиональной конфликтности) к войнам с Западом. Но вступление в ноябре 1914 г. в войну на стороне Тройственного союза Турции воскресило идеологию «золотого креста

¹⁴ В Первой мировой войне приняло участие, по разным подсчетам, от 319,9 до 350 тысяч казаков всех казачьих войск Российской империи. К примеру, войско Донское выставило в строй 113 742 казака, Кубанское войско — 89 000 казаков. Потери казачьих войск составили 44 799 человек, из них убитыми — 8314, пленными и без вести пропавшими — 6453 человека [Россия в мировой войне 1925, 34]. Относительно невысокий уровень потерь можно объяснить тем, что казаки вместе с офицерским корпусом составляли, если воспользоваться современной терминологией, «профессиональную армию».

над Софией Константинопольской», внеся в военную пропаганду извечные мотивы торжества Православия, дополнительно аргументировавшие основные идеологические концепции Второй отечественной войны — славянского единства, помощи балканским славянам, возвращение «червоной», Карпатской Руси и т. п. А. А. Керсновский в кратком очерке истории Первой мировой войны, отвлекаясь от фабулы событий, фиксировал их «дух»: «Отметим занятие Перемышля <...> не имевшее стратегического значения. По ликование, охватившему всю Россию при этой вести, можно составить приблизительное понятие о том великом духовном подъеме, что охватил бы страну при известии о покорении Константинополя» [Керсновский 1939, 4].

Следует помнить о значении «православности» именно для казачества, с момента своей кристаллизации как воинского сословия, не знавшего «ни эллина, ни иудея», принимавшего в себя бойцов от разных народов, но знаком идентификации избравшего православную веру. Конфессиональность позволяла, помимо духовного окормления, ясно позиционировать себя между устоявшимися в исторических контекстах врагами — магометанами и католиками. Именно признание за народным песенным наследием значения исторического свидетельства позволяет добавить к экономическим, политическим, милитаристским, геополитическим концепциям неизбежности мировой войны этноконфессиональный фактор, оформленный в порой причудливо фольклоризованные формы.

Хотели германцы, чтоб наши казаки
К ихнему престолу служить бы пошли.

А наши казаки, славные рубаки,
К ихнему престолу служить не пошли.

За прямой монархической формулой верного служения скрывается, учитывая изначально дуальную природу казачества, «сепаратистский» подтекст. Во взаимоотношении с государством казачество формировалось как этносоциальное сообщество, проходящее путь от «вольного служения» через договорные отношения — к службе по присяге (после подавления разинского восстания).

Многочисленны свидетельства реального и мнящегося властям казачьего сепаратизма: уход некрасовцев на Кавказ и в Турцию и их участие в войнах против России; уход в Турцию части запорожцев после погрома Сечи генералом П. К. Текели в 1775 г.; подозрения Екатерины II в сепаратизме властного атамана Степана Ефремова, приведшее к его заключению в крепость; признания М. И. Платова о возможности после многочисленных опал и заключений уйти к «туркам», Наполеону, который его «Мюратом сделает»; суд над командующим «белой» Донской армией генералом В. И. Сидориным... В «монархическом» казачестве всегда жила память о «государственных неправдах» и гонениях. Песни разинского и пугачевского циклов хранили представления о воле, а кубанская «вражья баба Катерина» — о трагизме переселения из родных порушенных мест на новую не утихомирившую границу. В казачьей мемуаристике и песенном наследии упорно сохраняется идея «служения по воле», свободного избрания атамана-монарха, предположения о признании значимости казачества другими «царями»¹⁵.

Патриотический мобилизационный общественный подъем 1914 г., снимая умеренную фронду казачьих депутатов IV Государственной Думы, акцентировал «монархичность» казачества, деактуализировал сепаратистские тенденции. В песне в момент ее возникновения подчеркивается доблесть государственно-монархического служения, но она, не исчезая из репертуара, бытовала в различных исторических контекстах, удивительно контрастировавших с ее содержанием. В 1918 г. на съезде фронтового казачества в окружной станице Каменской, приведшем к созданию Советской Донской республики, участвовали, изменяя «царю», представители гвардейских казачьих частей и «именных» (включая упоминавшийся 17-й баклановский) полков. А генерал-лейте-

¹⁵ Суждения не вполне бесосновательные, если учитывать, к примеру, донесения наполеоновской военной разведки о сепаратистских тенденциях на Дону, реально учитывавшихся в концепциях внутренней дестабилизации России в период боевых действий.

нант императорской армии П. Н. Краснов оказался сторонником конфедеративного государственного устройства, ставящего под сомнение «единую неделимость». Он стал выбранным (по старой традиции) атаманом Всевеликого Войска Донского, вступив в контакт с германским правительством и войсками, оккупировавшими Украину и часть Донской области после заключения Брестского мира, что послужило причиной конфликта с Добровольческой армией. Позднее П. Н. Краснов напомнил А. И. Деникину, что «добровольцы» получали оружие, боеприпасы, обмундирование от немцев, но прошедшее через его руки¹⁶. Германофильство

¹⁶ Весьма показательны фрагменты воспоминаний генерала и атамана Всевеликого Войска Донского П. Н. Краснова (повествование ведется от третьего лица): «Почти два часа говорил генерал Краснов (на Круге Спасения Дона. — *Е. Г.*) о положении России. <...> Он говорил о том, что Дон со времен Царя Михаила Федоровича был неотъемлемой частью государства Российского, его губерниию <...>. Он говорил о том, что Россия теперь поругана и опозорена большевиками, она разгромлена и лежит в обломках. Можно сказать — нет России. Дон стал совершенно одинок. Ему нужно — впредь до восстановления России стать самостоятельным государством. <...> Он коснулся отношения к немцам. Воевать с ними казаки не могут, им остается постараться мирным путем удалить их с Донской земли. Он говорил о необходимости тесного сотрудничества с Украиной и доблестной Добровольческой армией. <...> Он советовал казакам потом не вмешиваться в дела Русского государства и предоставить ему самому устроить свой образ правления, как ему будет угодно, а самим зажить той вольною жизнью, когда тесно связанные с Московским царством Донские казаки жили, управляемые своим Кругом и своим Атаманом и когда обычной поговоркой их было: “Здравствуй, Царь, в Каменной Москве, а мы, казаки, на Тихом Дону”» [Краснов 1991, 193].

«Императору Вильгельму атаман писал на немецком языке о своем избрании, сообщал о том, чтобы войско Донское было признано впредь до освобождения России от большевиков самостоятельную республикою. <...> Атаман просил о помощи оружием, взамен чего предложил установить через Украину правильные торговые отношения» [Там же, 199].

«Его (Деникина. — *Е. Г.*) раздражала мысль, что войско Донское находится в хо-

атамана П. Н. Краснова привело к падению его правительства и обрекло на будущую эмигрантскую судьбу и активное участие во Второй мировой войне на стороне вермахта¹⁷.

Вернемся к тексту анализируемой песни:

Закипела битва, битва беспощадна,
Полилась рекою горячая кровь.

Казак Бога просит, слезно умоляет,
Чтоб наши головушки в курган
не сложить.

На этом кургане веселые пташки
Весело играют за веру свою.

Захоронение «в кургане» может выглядеть очередным анахронизмом, замещающим реальность братских, часто безвестных, могил и кладбищ. Нередкая для казака участь — остаться без ритуального погребения в силу особенности тактики применения казачьих соединений (действия в авангарде и арьергарде, разъездах, разведке, диверсионно-партизанских отрядах) —

роших отношениях с немцами <...> Генерал Деникин не думал о том, что благодаря этому Добровольческая Армия неотказно получает оружие и патроны и офицеры едут в нее через Украину и Дон совершенно свободно, но он видел в этом измену союзникам и сторонился от Атамана...» [Там же, 204].

«Другой раз, уже во время сессий августовского Круга, Атаман, отвечая на нападки в сношениях с немцами и слыша, что ему ставят в пример голубиную чистоту Добровольческой Армии <...> воскликнул: “Да, да, господа! Добровольческая армия чиста и непогрешима. Но ведь это я, донской Атаман, своими грязными руками беру немецкие снаряды и патроны, омываю их в волнах Тихого Дона и чистенькими передаю Добровольческой Армии! — Весь позор этого дела лежит на мне!”. Буря аплодисментов покрыла слова Атамана. Нападки на “германскую ориентацию” прекратились» [Краснов 1991, 207].

¹⁷ Песенной иллюстрацией неизбежной дуальности казачества служат изменения строк «монархического» Донского гимна (1855) с первоначальных:

Всколыхнулся, взволновался
Православный тихий Дон,
И послушно отозвался
На призыв монарха он...
на «демократический» вариант:
...И послушно отозвался
На призыв свободы он.

породила эпический трагизм «непогребенности», оплакивания «душами-птицами» родных женщин (матери, жены, сестер), принесения вести о безвестной гибели¹⁸. Вряд ли в начале XX в. можно было ожидать, что могилы павших воинов будут увенчаны курганами, как встарь. Древняя форма курганных захоронений и связанные с ними смутные предания, превращавшие курганы в памятники-кенотафы, формулируют символику воинского погребения, приобретающую в XX столетии новую мемориальную реальность [Юдкина 2014, 140]. Революционное «переформатирование» истории реализовывалось, в том числе, и через стирание памяти об участии России в Первой мировой войне, памяти, идеологически не кодифицированной к моменту ее окончания. Часто немногие сохранившиеся или зафиксированные фотографиями, чертежами, документированными воспоминаниями воинские мемориалы принимали форму *курганов-пирамид*¹⁹, что получило дальнейшее развитие в оформлении захоронений павших в местах значимых сражений Второй мировой — Великой Отечественной войн.

Отмечая общую тенденцию бытования «курганной» символики, приведем конкретное свидетельство из истории уже упоминавшейся 2-й Сводно-казачьей дивизии. За с. Бельска Воля в Польше, между реками Стырью и Стоходом, южнее Пинска, севернее Луцка на *песчаном бугре* конно-саперы под руководством есаула Зимина построили ограду. Резанные из цветных — темных еловых и белых березовых — сучьев, красивые ворота аркой ведут за ограду. Там в стройном порядке выровненные, в затылок рядами донские, кубанские и терские казаки 2-й Сводно-казачьей дивизии, убитые в боях под Вулькой Галузийской 26—30 мая 1916 г. На воротах надпись из сучьев: «Воины благочестивые, славой и честью венчанные» [Паскаль]. Отпевал павших²⁰, видимо,

¹⁸ Песня «Черный ворон» и родственные сюжеты.

¹⁹ Памятник казакам в лагере Чаталджи, памятник «белым» воинам на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа и др.

²⁰ По приблизительным данным, около 104 40 офицеров и 500 казаков.

священник о. Николай, отмеченный благодарностью командира дивизии генерала П. Н. Краснова за сооружение и оборудование походного храма и оформление полкового хора [Там же].

Историческая песня сжимает, сворачивает пространство истории, утрачивая конкретные детали, в порой неожиданной форме хранит суть и поучительный в контексте народной культуры смысл как прошлых, так и предположительно неизбежных будущих событий. Фольклорист А. С. Кабанов, записывая на Северном Дону песню «Разнесчастный король прутский...», спросил играющего ее старого казака: «О чем песня?». И получил удивительный ответ: «Это как мы били немца в 1878 году на Дунае». Фольклористы давно определили историко-сюжетную основу песни: гибель за два дня до сражения под Иеной (1806) принца Людвиг, племянника короля Фридриха-Вильгельма, и ответ мог показаться отчасти нелепым²¹, учитывая к тому же сюжет, не имеющий прямого отношения к русской истории. Но подобный ответ ветерана бережет память об одной из наиболее славных и жертвенно-бескорыстных войн 1877—1878 гг.,

²¹ Иллюстрирующей апологией руинированного историзма казачьих песен может служить явление I действия IV драмы А. Н. Островского «Гроза», разворачивающегося в пространстве узкой галереи «старинной, начинающей разрушаться, постройки». 2-й гуляющий, разъясняя 1-му сюжеты полустертой фрески Страшного суда, говорит:

2-й. А это литовское разорение. Битва — видишь? Как наши с Литвой бились.

1-й. Что ж это такое — Литва?

2-й. Так она Литва и есть.

1-й. А говорят, братец ты мой, она на нас с неба упала.

2-й. Не умею тебе сказать. С неба так с неба.

Женщина. Толкуй еще! Все знают, что с неба; и где был какой бой с ней, там для памяти курганы насыпаны.

1-й. А что, братец ты мой! Ведь это так точно! [Островский 1950, 84].

Если прибавить к этому рассказы странницы Феклуши о басурманских царях (Махнута Турецком и Махнута Персидском), то можно дополнительно фиксировать устойчивые формы «народной историографии», так и не искорененной на протяжении последних 150 лет, наиболее разрушительных для устной народной традиции.

приведшей к созданию независимой славянской государственности на Балканах, не дает забыть об исторически «вечных» врагах — турках и немцах.

Эпос, свод исторических песен позволяют не столько узнать, сколько пережить, по-казацки «сыграть» историю. Следует признать, что именно «сжатая» народная историография — наиболее удобный объект для фольклоризации, позволяющий использовать сохраненные «предания» в идеологизированных целях — в диапазоне от юбилейной периодичности, актуализирующей отдельные контексты, до более значимых социоидеократических процессов²². Например, обосновывающих исторические притязания (что отнюдь не отменяет аксиоматичность исторической бессо-

²² Примером может служить разрушающее тщательность концепций «славянского единства» замещение устоявшейся в своих основных контекстах «памяти о Полтаве» на «память о Конотопе» или установка в 1999 г. на горе Маковка (высота 958 м) памятника легиону сечевых стрельцов (украинские сечевые стрельцы — УСС, «усусы» — украинское добровольческое воинское формирование в составе австро-венгерской армии). Их первое боевое столкновение произошло на карпатских перевалах с частями 2-й кубанской казачьей дивизии. В «пасхальном» сражении 22 марта (4 апреля) 1915 г. за гору Маковка «усусы» противостояли наступавшим 309-му Овручскому и 311-му Кременецкому полкам 78-й пехотной дивизии, сформированным в основном из этнических украинцев. К слову, 130-й бригадой, в которую входили сечевые стрельцы, командовал русин по происхождению оберст Йозеф Витошинский фон Добравола, которого сечевики считали «украинцем». Увековеченные памятником потери «усусов»: 42 убитых, 76 раненых, 35 пленных. Мифологизация боев за гору Маковка — наряду с битвой при Конотопе (1659), взятием Батурина (1718), боем под Крутами (1918) — стала одним из краеугольных камней националистической идеологии и пропаганды в Украине. Односторонне материализованная память о павших в «пасхальных боях» «галичанам» не предполагает поминовения «русских украинцев», polegших на Маковке, и дополнительно иллюстрирует расколотость современного украинского социума, мифологизирующего, «переформатирующего» национальную идентичность. Альтернативная память сохраняется в песне «По горам Карпатским», ставшей своеобразным фольклорным кенотафом.

слагательности) и опрокидываемую в прошлое вариативную проектность для обоснования проектности современной, особенно в периоды геополитической нестабильности²³.

Литература

Гавриляченко 2007 — Гавриляченко Е. Э. Новая фольклорная волна и молодежное фольклорное движение // Традиционная культура. 2007. № 4. С. 11—22.

Гавриляченко 2014 — Гавриляченко Е. Э. «Казачий» вектор в постсоветском социокультурном пространстве // Традиционная культура. 2014. № 2. С. 17—27.

Керсновский 1939 — Керсновский А. А. Мировая война. Краткий очерк. К 25-летию объявления войны (1914—1939). Издание Царского Вестника. Белград, 1939. URL: <http://www.rulit.net/books/mirovaya-vojna> (дата обращения: 12.07.2014).

Краснов 1991 — Краснов П. Н. Всевеликое Войско Донское. Архив русской революции. Т. 5—6. М., 1991. С. 191—221.

Мякутин 1904 — Песни оренбургских казаков. Т. I. Песни исторические. Собрал сотник А. И. Мякутин. Оренбург, 1904.

Островский 1950 — Островский А. Н. Гроза. М.; Л., 1950.

Паскаль — Паскаль А. 17-й Донской казачий полк им. генерала Я. П. Бакланова. URL: <http://iks2010.org/?p=2070> (дата обращения: 12.07.2014).

Россия в мировой войне 1925 — Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах). М., 1925.

Семёнов 2007 — Семёнов Г. М. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. 1904—1921. М., 2007.

Сухоруков 2001 — Сухоруков В. Д. Историческое описание Земли Войска Донского / коммент., доп., вступ. ст. Н. С. Коршикова и В. Н. Королева. Ростов/Д., 2001.

Юдкина 2014 — Юдкина А. Б. Традиционные формы увековечения памяти о травматических событиях в России // Традиционная культура. 2014. № 2. С. 134—143.

Summary. *The author makes an attempt to reveal some realia of one of the last Cossack historical folksongs "In Carpathian mountains" which remains a kind of "folk remembrance" about the tragedy of the World War I.*

Key words: *Cossack folklore, historical folksongs, folk regard on historical events, Cossack troops, folklorisation.*

²³ Проблемы фольклоризованного социопроектирования рассматриваются в статье [Гавриляченко 2014].